

Воспоминания о детстве.

/Фрагменты/

Б.Н. Фридман (06.07.1907-26.06.2004)

Моя первая школа

Я рано вошел в сказочный мир, мама начала мне читать и рассказывать сказки, когда мне не было и четырех. С вниманием и волнением следил я за сказочными героями, радовался и горевал вместе с ними, а когда они попадали в беду, когда злые звери или злые волшебники гнались за ними и уже почти настигали, слезы застилали мне глаза. Некоторые сказки были самыми любимыми, я с интересом слушал их по многу раз. И хотя уже знал, что все для моих героев кончится хорошо, слезы снова и снова лились из глаз.

Когда мне исполнилось пять, мама начала учить меня читать, писать и считать. Кроме того по книжкам для детей младшего возраста она знакомила меня со Старым и Новым Заветом и изложенное там тоже вошло в мой волшебный мир. Я стал заучивать молитвы и запоминал их с легкостью.

Шести лет меня отдали в школу. Мама работала в одной из престижных школ Москвы преподавательницей младших классов. Сестра ее сослуживицы, Зинаида Васильевна Некрасова, опытный педагог, содержала небольшую «школку», в которой готовила детей к поступлению в гимназию или реальное училище. Мама встретилась с Зинаидой Васильевной, та произвела на нее очень хорошее впечатление, и было решено отдать меня в ее руки.

В квартире, где жили сестры Некрасовы, самая большая комната была отведена под класс. Два длинных стола во всю длину комнаты, по обеим сторонам каждого стулья. Вдоль стен шкафы, книжные полки, посередине комнаты кресло для Зинаиды Васильевны. Класс вмещал, насколько мне помнится, человек пятнадцать. Курс обучения был рассчитан на четыре года, дети разных лет обучения – мальчики и девочки – сидели вместе, занимались одновременно. Зинаида Васильевна одна вела все предметы, только Закон Божий, которому уделялось два часа в неделю, преподавал священник.

Занятия в «школке» начинались в девять и заканчивались в два. С двенадцати до половины первого был перерыв, дети отдыхали и завтракали, каждый приносил с собой завтрак. Еду можно было подогреть. Некоторые жили очень близко, кое-кто даже в том же доме. Они уходили завтракать домой.

В детстве я был очень застенчив, болезненно застенчив. Застенчивость была для меня помехой и в юношеские и в студенческие годы, можно сказать, что ее давление ощущалось мною всю жизнь.

Вспоминаю далекие времена, когда мне было 4-5. Родственники и друзья семьи Пейко часто устраивали детские праздники для своих детей. В воскресенье или в какой-нибудь из праздничных дней в доме, где имелась обширная гостиная и рояль, собиралось общество – мамы привозили детей. Детвора веселилась, играла в разные игры, водила хороводы, танцевала, пела, читала стихи. Привезла мама и меня на такой праздник. Мы вошли в гостиную, полную шума и смеха. Я увидел множество незнакомых детей и меня охватил страх. Я вцепился в маму и не мог сделать ни шага. Мама с трудом довела меня до стула, усадила и стала успокаивать. Подходили с улыбкой дети и звали меня идти с ними, подходили взрослые, но все уговоры оставались тщетными. Подошла хозяйка дома и, взяв меня за руку, хотела повести с

собой. Я вырвался и разрыдался. Расстроенная мама увела меня в другую комнату и после того, как я успокоился, увезла домой. Не удалось вовлечь меня в общее веселье и в последующие наши приезды.

Мои родители были встревожены и папа показал меня неврологу. Мальчик здоров, сказал доктор, но надо быть с ним очень деликатным, не трогайте его, не травмируйте, с годами застенчивость пройдет.

Когда мама сказала мне, что я уже вырос, пора идти в школу, что школа для меня выбрана и с первого сентября начнутся занятия, я потерял спокойствие. Незнакомый, загадочный школьный мир пугал меня. Мое воображение рисовало его как какую-то черную дыру. Я стал плохо спать, хуже есть. Мама, зная мою застенчивость, поняла мое состояние, была со мной особенно ласкова и уделяла мне много внимания; говорила, как мне будет хорошо в школе, как там интересно, какие милые дети станут моими друзьями. Однако беспокойство не оставляло меня, оно нарастало и к первому сентября я подошел полный тревоги.

День наступил. Мы с Катей (мама была занята в своей школе) пораньше вышли из дома, дошли до Калужской площади, сели на трамвай «Б», проехали Серпуховскую площадь и слезли на второй остановке по Вальной улице. Квартира Некрасовых находилась на первом этаже четырехэтажного кирпичного дома.

Дверь отворила пожилая женщина, прислуга Некрасовых. Прихожая. Налево дверь в жилые комнаты, направо сначала двери в уборную и кухню, затем дверь в класс. Катя помогла мне раздеться, отдала ранец и сумочку с завтраком, расцеловала и сказала: «Иди, с Богом». Но я прижался к стене и не двигался с места, уговоры Кати не имели никакого действия. Из класса вышла Зинаида Васильевна, она мгновенно поняла мое состояние, ласково поздоровалась и сказала Кате: не трогайте его, пусть мальчик успокоится, идите домой. И вернулась в класс, оставив дверь в него открытой.

Я неподвижно простоял у вешалки до конца занятий. Зинаида Васильевна выходила, гладила меня по голове, звала в класс, в перерыве пыталась накормить меня, но я не притронулся к еде. В два часа за мной пришла Катя. То же самое повторилось на другой день.

Думаю, мама не замедлила встретиться с Зинаидой Васильевной и все обсудить с ней. По-видимому они решили пока меня не трогать, посмотреть, что будет дальше. Катя к девяти приводила меня в «школку», я по-прежнему «прилипал» к стене. Но никто меня не уговаривал, никто не пытался силой ввести в класс, я был предоставлен самому себе. Я был в прихожей один. Изредка кто-нибудь из детей проходил в уборную, проходила из кухни в жилые комнаты прислуга, выглядывала Зинаида Васильевна, из класса доносились голоса детей... В два часа являлась Катя.

Так прошло около недели. Я, видимо, немного успокоился, стал чувствовать себя чуть свободнее. И как-то утром, когда все разошлись, оставив меня в прихожей у вешалки одного, я вдруг сдвинулся с места – первый маленький шаг, второй маленький шаг и, как бы убедившись в своих возможностях, я стал очень медленно продвигаться к двери в класс. Я подошел к ней около двенадцати часов и снова замер – перешагнуть через порог был не в состоянии, простоял до конца занятий. На другой день все повторилось, правда, передвигался я увереннее, но не быстрее.

Зинаида Васильевна, конечно, наблюдала за мной и, очевидно, приняла решение, как действовать. На третий день, когда я опять стоял у двери в класс, она внезапно вышла, решительно взяла меня за руку и, можно сказать, втащила в комнату. Я похолодел, но не сопротивлялся, наверное, просто не успел – так быстро все произошло.

Зинаида Васильевна показала мое место, подложила на стул подушечку, чтобы мне было удобнее. Я сидел на стуле застыв, не глядя по сторонам. Весь класс с

любопытством, а, может быть, кое-кто и с насмешкой наблюдал за мной, но никто не произнес ни звука. В перерыве ко мне подошла девочка, проверила, есть ли чернила в моей чернильнице, хорошее ли перо в моей ручке, есть ли у меня остальные письменные принадлежности. Это была дежурная.

После перерыва Зинаида Васильевна подсела ко мне и стала знакомиться. Оказалось, что я хорошо знаю весь алфавит, могу красиво написать каждую букву, легко прочесть простые слова, хорошо считать до десяти. Зинаида Васильевна похвалила меня. Так и пошло дальше: около двенадцати я доходил до двери в класс, выходила Зинаида Васильевна, забирала меня и после перерыва начиналось мое обучение. Конечно, долго так продолжаться не могло, Зинаида Васильевна вполне могла отказаться от меня. Но она поступила иначе: в прихожую был поставлен столик и стул, в девять часов меня на этот стул усаживали, я не противился, и занятия начинались. А в двенадцать часов Зинаида Васильевна провожала меня в класс на мое место и после перерыва занятия продолжались. В таком виде и шло мое обучение весь первый год. Сразу после прихода в «школку» войти в класс я так и не мог.

Я дичился и не разговаривал с детьми, они скоро перестали обращать на меня внимание. Зинаида Васильевна посадила рядом со мной двух девочек 8-9 лет, последнего года обучения, и, видимо, попросила их заботиться обо мне. И девочки оказали мне большое внимание: они помогали мне садиться и слезать со стула, следили за тем, чтобы в моей чернильнице были чернила (обращаться к дежурному я стеснялся), чтобы карандаши были заточены, чтобы я съел свой завтрак, приносили мне горячий чай, подогревали котлеты, заговаривали со мной. Я стеснялся их, откликался на разговоры слабо, но мне с ними было приятно.

Учился я хорошо, Зинаида Васильевна моими успехами была довольна. Родителей огорчало мое поведение, но они помнили, что сказал невролог и никакого давления на меня не оказывали, а мои школьные успехи их радовали.

Хочу добавить. Я понимал, что меня приводят в школу не для того, чтобы неподвижно стоять в прихожей, прислонившись к стене. Я хотел учиться и страдал от того, что из-за своей застенчивости был не в состоянии свободно войти в класс, как все дети. Но в моей душе тлела искорка надежды, что все окончится хорошо, как в моих любимых сказках. Я ждал этого.

Хочу рассказать о серьезных осложнениях, возникших в связи с уроками Закона Божьего. В дореволюционной России изучение этого предмета было обязательным во всех школах, включая частные, за этим следила специальная инспекция. В школе Некрасовой, как я писал выше, занятия по этому предмету один раз в неделю с 9 до 11 проводил священник. В первый же свой приход после начала учебного года он с недоумением посмотрел на меня, прижавшегося к стене в прихожей, но ничего не сказал. Однако в следующий раз он спросил у Зинаиды Васильевны, провожавшей его после занятий: «Почему этот мальчик не присутствует на моих уроках? Он не православного вероисповедания?». Зинаида Васильевна ответила, что я крещеный, православный, и добавила: «Зайдемте ко мне, я все объясню» и провела его в свою комнату. В результате школа направила в отдел народного просвещения просьбу разрешить, чтобы Законом Божиим со мной временно занималась Зинаида Васильевна. Мои родители были поставлены в известность и с тревогой ждали ответа – при отрицательном ответе я, как «избегающий» занятий по Закону Божьему подлежал исключению из «школки».

Через 10 дней пришел положительный ответ.

Первого сентября следующего года в школу со мной поехала мама. Вся семья, включая Катю, волновалась. Я помнил прошлогодние переживания и испытывал некоторую неуверенность. Входим в прихожую. Нас с улыбкой встречает Зинаида

Васильевна и начинает с мамой разговор о погоде, на меня никакого внимания. Я снимаю пальтишко, снимаю шапочку и тут неожиданно меня с двух сторон подхватывают под руки и я, не успев опомниться, оказываюсь в классе, сажусь на указанный стул. И... никакой трагедии – смотрю на улыбающиеся лица мамы и Зинаиды Васильевны и спокойно начинаю раскладывать свои школьные принадлежности.

На другой день я сам спокойно и уверенно вошел в класс. Психологический барьер был преодолен.

Музыка. Несбывшиеся надежды.

В начале 1916 года я начал учиться игре на фортепьяно в частной музыкальной школе братьев Бирюковых. Школа находилась в Щетининском переулке между Большой Полянкой и Большой Ордынкой. Уютный замоскворецкий переулочек с одноэтажными домами, по большей части деревянными. Таким же скромным, деревянным был и дом братьев Бирюковых. Он стоял в саду. Ворота с калиткой, маленький дворик, крылечко со ступенями, ручка звонка, на высоком заборе вывеска. Входную дверь в дом обычно открывал младший Бирюков, вежливый молодой человек с неизменной улыбкой на лице.

В первый раз меня сюда привела мама. Классная комната, рояль. Я сижу и жду. Входит молодая женщина, это мой педагог. Спрашивает, как меня зовут, сколько мне лет, осматривает мои руки. И занятия начались.

Уже на втором уроке я почувствовал, что раздражаю мою учительницу. Повод этому был: из-за своей застенчивости я был скованным, пальцы меня не слушались, и я плохо выполнял то, что она мне показывала. На третьем уроке она в сердцах несколько раз ударила меня по рукам. На четвертом уроке она уже кричала на меня, и рукам моим доставалось.

Придя домой после этого урока я обо всем рассказал маме. На другой же день мама встретила со старшим Бирюковым (он управлял школой) и меня перевели к другой преподавательнице. При этом Бирюков извинился перед мамой и сказал, что за уже состоявшиеся уроки платить не надо.

Хорошо помню фамилию моей новой учительницы – Ярцева. Это был умный педагог. Она проводила занятия спокойно, терпеливо. И я начал оживать; оцепенение прошло. Я стал лучше понимать, что говорит мне преподавательница, лучше исполнять ее указания, и вскоре услышал первые похвалы.

Припоминается: после перехода к Ярцевой я как-то столкнулся в дверях с моей первой учительницей. Увидев меня, она воскликнула: «Как? Тебя еще не выгнали!»

В школе Бирюковых я проучился три года. Уже не раз играл на концертах учащихся, и слушатели принимали меня очень хорошо. Ярцева заложила во мне основы игры на фортепьяно. Она освободила мои руки от напряжения, как говорится, «поставила» мне руки. Я запомнил этого милого человека, прекрасного педагога.

В 1919 году мы на лето выехали на Украину, в городок Пирятин Полтавской губернии. Брат мамы, Дмитрий Игнатьевич, работал здесь мировым судьей. В Москве было голодно, продуктов не хватало. Папа не мог с нами поехать, он работал в военном госпитале. Уже шла гражданская война. Но вернуться в Москву нам довелось только осенью 1920. О причинах этого я расскажу отдельно.

В доме, где мы жили, был рояль, и все то время, что мы были в Пирятине, я занимался музыкой с мамой. Это позволило в значительной мере сохранить тот технический уровень, который был мною достигнут в школе Бирюковых.

Вскоре после возвращения в Москву я поступил в государственную музыкальную школу. Школа находилась на Малой Полянке недалеко от нашего дома. Директором ее была пожилая женщина, Мария Ивановна Медведева. Школа открылась недавно, было много свободных мест, и Медведева при встрече с мамой сказала: «Вступительных экзаменов у нас пока нет, мы принимаем всех желающих, но я должна познакомиться с Вашим сыном, послушать, как он играет».

Школа размещалась в красивом двухэтажном особняке, ранее принадлежавшем одному из замоскворецких богачей. Вход со двора, во дворе разные хозяйственные постройки и небольшой двухэтажный домик. Быть может, при хозяине в нем жила его обслуга.

Я, видимо, понравился Медведевой, она взяла меня в свой класс. Занятия начались.

Те годы, что я проучился в этой школе, были счастливым временем в моей жизни. Я занимался у незаурядных педагогов, прикоснулся к великой музыке, в меня поверили. Я чувствовал это, и в мою душу вошла мечта.

Медведева была известным педагогом, принадлежала к элите музыкальной Москвы. Она относилась ко мне с большим вниманием, и я учился старательно, с интересом, шел на урок всегда с радостью. К этому времени относятся мои первые посещения концертов. Мария Ивановна советовала, что мне надо бы послушать, часто помогала достать билеты в концертные залы.

Одним из ее учителей был Болеслав Леопольдович Яворский, крупный музыкант, прекрасный пианист, автор многих книг по теории искусства. Он являлся председателем Художественного Совета при наркомпросе Луначарском. В свое время входил в ближайшее окружение композитора Скрябина, был поклонником его творчества. После смерти композитора написал интересные воспоминания о нем. Яворский разработал систему гимнастики пальцев, которая дополняла обычные упражнения на рояле и по идее должна была помочь учащемуся быстрее добиться технического совершенства в игре. Медведева придавала большое значение этой системе, и я ежедневно не менее часа упражнял свои пальцы. Замечу: в педагогических кругах система Яворского признания не получила.

Места в школе вскоре заполнились и в классе Медведевой появился новый ученик – Сережа Скребков, года на 3-4 меня старше и более продвинутый, чем я. Мы подружились. Вначале он относился ко мне снисходительно, но скоро признал меня и наши отношения уравнились. Могу сказать, что мы с ним стали лучшими учениками школы, надеждой Марии Ивановны.

Как-то она по какому-то поводу позвонила нам домой и в числе прочего сказала взявшему трубку папе: «У Вашего сына большие способности». Такие слова мы услышали впервые, и они произвели впечатление на родителей, произвели впечатление и на меня.

Еще одно воспоминание. Как-то Медведевой стало известно, что из Петрограда в Москву приезжает композитор Глиер, тоже один из ее учителей, и она решила показать ему своих учеников. Решили, что я буду играть *Andante* из сонаты Бетховена (номера не помню). Сейчас, когда я пишу эти строки, думаю, что своим выбором Мария Ивановна хотела показать мою сильную сторону – музыкальность.

День наступил. С Глиером приехало несколько человек, возможно из его окружения. Все собрались в большом зале. Тот день был дождливым и холодным. Я пришел в галошах и не снял их – подошва в носовой части одного моего ботинка отстала, и я боялся, что это могут заметить. Волнуюсь, сижу, стараюсь согреть руки. Вот и моя очередь. В галошах, более чем скромно одетый, сажусь за рояль. И после первых тактов волнение меня оставило, а в зале все притихли. Возвращаясь на свое

место, слышу, как Глиер говорит сидящей рядом с ним Медведевой: «У этого мальчика есть будущее».

В те годы Яворский жил в домике во дворе школы. Он занимал второй этаж. В его разносторонней деятельности свое место занимало преподавание игры на фортепьяно. У него было несколько учеников, они приходили к нему на дом.

Через год-полтора моих занятий с Медведевой она передала меня Яворскому, хотя он не был преподавателем школы. Это было для меня, можно сказать, событием. Мария Ивановна сказала, что передает меня временно, хочет, чтобы я позанимался у крупного музыканта, незаурядного человека. Помню, с каким страхом я в первый раз поднимался на второй этаж этого домика. Но Яворский принял меня дружелюбно, и я скоро привык к новой обстановке. Заниматься было интересно, но нелегко: очень велики были задания. Сережа Скребков тоже, одновременно со мной, был передан Яворскому. При этом мы оставались учащимися школы и продолжали посещать теоретические занятия.

Раз в две недели Яворский в своей квартире проводил слушание музыки. Сбор слушателей по его требованию проходил в полной тишине. Начинались занятия в пять вечера. И с половины пятого дверь в квартиру была незаперта. Приходящий входил без звонка; более того, звонить в дверь было запрещено. Никаких «здравствуйте», «добрый вечер», только легкий кивок. При полном молчании пришедший входил в комнату и садился на свое постоянное место за круглый стол. Перед ним лежали листы чистой бумаги и карандаш. Опоздавшие к занятиям не допускались. Эта особая атмосфера, по мысли Яворского, должна была помочь слушателю освободиться от повседневных забот и волнений и сосредоточиться на ожидании встречи с Прекрасным.

Ровно в пять Яворский входит в комнату и молча садится за рояль. Занятие началось. Зазвучала музыка. Вот она смолкла. И ты должен написать, Что ты почувствовал, слушая ее, о чем тебе думалось, кто автор музыки, как называется сыгранное произведение.

Яворский еще два раза играет это произведение, чтобы дать нам возможность лучше вслушаться в него. И после каждого раза мы снова записываем свои впечатления.

После этого Болеслав Леопольдович подсаживался к нам за круглый стол. Каждый слушатель зачитывал написанное им и начиналось обсуждение. В самом начале Яворский называл автора и название сыгранного произведения. Далее он делал замечания по написанному каждым из нас, говорил об особенностях творчества данного композитора, об особенностях исполненного произведения, отвечал на вопросы. Свое мнение о написанном высказывали и слушатели, были случаи, когда кто-то выражал несогласие с критическим замечанием Яворского и защищал свое мнение. Обсуждение было свободным. В заключение все переходили в другую комнату, садились за обеденный стол и начиналось чаепитие.

В группе было обычно человек шесть-семь. Я самый младший. Женщин среди них не было.

Помню такой случай. Шло занятие. Мы записывали свои впечатления, как вдруг раздался звонок в входную дверь. Яворский не пошевелился. Еще звонок. И вот слышим, что кто-то вошел в прихожую, очевидно обнаружив, что дверь не заперта.

Мы притихли. На пороге комнаты появляется хорошо одетая дама. Она с улыбкой поздоровалась с Яворским. Яворский безмолвствовал. В некотором замешательстве она сказала: «Болеслав Леопольдович, я зашла уточнить, когда у меня следующий урок». И тут Яворский заорал: «Уходите немедленно вон, разве Вы не видите, что я занят!». Опешившая женщина какое-то время стояла неподвижно и затем быстро вышла. Минуту мы молчали, а затем взрыв хохота потряс воздух.

В первые годы власти большевиков было запрещено исполнение произведений ряда композиторов. Программы концертов, репертуар оперных театров должны были утверждаться специальной комиссией при Союзе пролетарских композиторов.

Была запрещена музыка Чайковского, в эпоху крупнейших социальных перемен якобы расслабляющая слушателей своей буржуазной красотой; а также Скрябина – «идеалиста, далекого от народа», и Рахманинова – «эмигранта», «врага нового общественного строя».

Но к тому времени, когда я начал заниматься у Яворского, произошли некоторые изменения. В Большом театре уже шел «Евгений Онегин», в оперном театре Зимина «Алеко» Рахманинова. И вот сенсация: в Большом зале консерватории объявлено исполнение «Поэмы экстаза» Скрябина, в Малом зале – концерт пианиста Софроницкого из произведений Скрябина.

Яворский был в большом возбуждении. Во-первых, он достал для всех своих учеников билеты на оба концерта, что, полагаю, было нелегко; во-вторых, временно отменил занятия и стал готовить нас к восприятию музыки Скрябина. Каждый день мы собирались у него на квартире. Он по несколько раз проиграл все произведения из программы Софроницкого, но особое внимание уделил «Поэме экстаза». Он говорил об идее этого произведения, объяснял значение каждой темы, особенности инструментовки «Поэмы». Концерты состоялись и произвели на меня большое впечатление.

Занятия в музыкальной школе, общение с Медведевой и Яворским были счастливым временем в моей жизни. Хочу сказать об этом еще раз. Но всему приходит конец.

[К сожалению, наши отношения осложнились.] <...> Я был потрясен. Не зная, как быть, пропустил один урок, пропустил второй урок и в мучительном раздумьи решил прекратить у него заниматься.

В тот день недели, когда у меня по расписанию был урок, я пришел к Яворскому. Он встретил меня, как ни в чем не бывало. «Ты был нездоров?» – спросил он. Волнуясь, я сказал, что пришел, во-первых, поблагодарить его за огромное влияние на мое музыкальное развитие и, во-вторых, проститься с ним. Это было для него по-видимому неожиданностью. Подробности встречи память не сохранила. Но одно помню твердо: Яворский долго и настойчиво уговаривал меня продолжать занятия.

Мария Ивановна была в это время тяжело больна, обострилась какая-то хроническая болезнь, кажется рак. Я навестил ее. Она лежала дома. Через несколько дней ее не стало. Это было для меня большим горем.

Я рассказал родителям о смерти Марии Ивановны. Что касается Яворского, то занятия с ним всегда воспринимались ими как временные, и я сказал только, что срок их окончания наступил и заниматься у Болеслава Леопольдовича я больше не буду.

Таким образом, я остался без преподавателей и надо было решать, как быть дальше. Оставлять меня в школе родители не хотели. Они не видели там педагогов хотя бы близких по квалификации к Медведевой и Яворскому.

В тот год в нашей квартире жил мамин брат Иван Игнатьевич с женой и сыном. Почему? Об этом будет отдельный рассказ. Юрист по образованию, он был тонким музыкантом и хорошо играл на рояле. Я часто просил его послушать, как у меня звучит разучиваемое произведение, и он делал замечания, давал советы по нюансировке.

Родители были озабочены – как найти мне хорошего преподавателя. Дядя Ваня разделял эти заботы и подал мысль: было бы хорошо, если бы со мной стал заниматься Борис Владимирович Померанцев, пианист, окончивший Московскую консерваторию с золотой медалью, добрый друг семьи Пейко. Предложение понравилось, и родители попросили дядю Ваню переговорить с Померанцевым.

Померанцев сказал, что хотел бы сначала меня послушать. Договорились о встрече. Мы с дядей Ваней выбрали два произведения из числа тех, которые я разучил с Яворским (Бах, Скрябин) и в назначенный день мы переступили порог квартиры Бориса Владимировича.

Все прошло хорошо. Договорились, что я какое-то время буду брать у него частные уроки и он подготовит меня к поступлению в музыкальный техникум имени Ярошевского, где он вел класс фортепьянной игры.

Требования к поступающим в техникум были очень высокими... Через полгода я успешно сдал вступительные экзамены.

В техникуме проводилось обучение только игре на фортепьяно. Он был основан в свое время Адольфом Ярошевским, крупным музыкантом, известным педагогом. Ярошевский подобрал очень сильный состав преподавателей, который сохранился и после его смерти. В музыкальной Москве техникум ценился так же высоко, как музыкальная школа при Московской консерватории. Находился он в Староконюшенном переулке, выходящем на Арбат.

Померанцеву в ту пору было около пятидесяти. Мужчина высокого роста, приятной внешности. Он жил в одноэтажном доме в переулке, выходящем на оживленную улицу. Вход в дом был со двора. Большая массивная дверь вела в холодный подъезд. Дверь справа была в квартиру, где жил Померанцев. Соседняя дверь – в квартиру, которую занимал его брат с семьей. Борис Владимирович был холост, жил один, хозяйство вела приходящая прислуга. Его брат был инженером-железнодорожником, работал начальником одного из ведущих отделов народного комиссариата путей сообщения.

До Октябрьской революции дом принадлежал родителям братьев Померанцевых.

Я проучился в техникуме три года. Это были годы напряженных занятий у большого мастера фортепьянной игры, истинного пианиста, годы общения с музыкально одаренными молодыми людьми, стремящимися сделать музыку своей профессией, годы надежд и честолюбивых мечтаний. И – странно: память сохранила об этом важном периоде моей жизни, когда решалась моя судьба, очень немного, чаще всего второстепенное.

Борис Владимирович в первую очередь уделил внимание техническому уровню моей игры. Он загрузил меня упражнениями, конечной целью которых было вывести мои руки на уровень виртуозной игры, без чего не было возможности стать профессиональным пианистом. Что касается моей музыкальной одаренности, он, видимо, поверил, что ее у меня для этого достаточно. Я занимался упорно, с интересом, и Померанцев был доволен моими успехами.

Основатель техникума Адольф Ярошевский, как я уже упоминал, собрал сильный преподавательский состав. Помню, сольфеджио преподавал известный в то время композитор Кочетов. Это был человек большой культуры. Его уроки всегда были интересными. В конце каждого урока мы писали диктант. Кочетов называл высоту первого звука и затем наигрывал мелодию. Надлежало записать ее на нотной бумаге, определить счет. От урока к уроку мелодия усложнялась. Я не обладал абсолютным слухом, но интервалы различал хорошо и это мне помогало. Обычно я первым сдавал листок и Кочетов похваливал меня. Этот старый человек знал по имени всех своих учеников.

В нашей группе по сольфеджио занималась дочь Вышинского, будущего сталинского хищника. В то время его карьера только начиналась, но он был уже достаточно известен, чтобы его дочь привлекала к себе внимание. Она была хороша собой, мы любовались ею и отдавали должное тому, как скромно она держалась.

Два раза в месяц в техникуме проводилось открытое прослушивание студентов. В зале собирались все педагоги, всегда присутствовал директор техникума. Каждый преподаватель по своему усмотрению мог представить одного, а иногда и двух своих учеников. Эти прослушивания позволяли судить о состоянии педагогической работы в техникуме, знакомили преподавателей с учениками своих коллег. В зале всегда было много учащихся, для них прослушивания были еще и прекрасной школой слушания музыки.

Померанцев уже в первом полугодии представил меня на такое прослушивание. До конца года я сыграл еще два-три раза. И меня запомнили. Борис Владимирович был мною доволен. В следующем году я сыграл фортепианный концерт Моцарта. Борис Владимирович сидел за вторым роялем, он играл партию оркестра. Я имел успех. Меня, можно сказать, признали.

Эта доброжелательная атмосфера действовала на меня. При всей моей застенчивости я стал чувствовать себя в техникуме свободно, спокойно и всегда шел туда с радостью. Появились друзья. Одним из них был Андрей Ярошевский, сын основателя техникума. Мы очень сблизились. Вдова покойного Ярошевского, тоже пианистка, вела в техникуме свой класс.

Как-то Андрей пригласил меня к себе домой. Я был хорошо принят, его мать меня уже знала. И я стал постоянным посетителем этого гостеприимного дома. Помню, я часто приходил к ним вечером. В доме была богатая нотная библиотека. В ней было много переложений для рояля в четыре руки. Мы с Андреем проиграли многие симфонии Бетховена, Чайковского и других великих композиторов. Оба мы довольно хорошо читали с листа. Нам удалось также проиграть почти все романсы Чайковского. Один из нас играл аккомпанемент, другой, в верхних регистрах рояля, мелодию голоса. Мы менялись местами. Музыкальный язык сливался с поэзией слова и поражал своей красотой, глубиной, тонкостью музыкальных оттенков.

Мать Андрея была рада нашей дружбе. Она видела во мне музыкально одаренного человека, говорила мне об этом и считала общение со мной для сына полезным. Вспоминаю эту милую женщину...

Вечер оканчивался скромным ужином.

В техникуме был студенческий комитет. В те годы его председателем был сын композитора Кочетова, о котором я упоминал выше. Кочетов-младший был приятным человеком, хорошим пианистом и хорошим организатором. Устраивались походы на концерты, в театр, выезды за город... Это были счастливые времена.

Часто вечером после возвращения с занятий в промышленно-экономическом техникуме я шел на Староконюшенный. Меня влекло туда, я шел в надежде встретить друзей, у которых в этот вечер был урок.

Мы встречались, усаживались в одной из комнат и начинались разговоры о том – о сем. Иногда мы даже играли в какие-то игры. И вот дежурная говорит нам, что уже поздно, пора уходить, она запирает двери. Мы идем на Арбатскую площадь и разъезжаемся по домам, кто на трамвае, кто на автобусе.

Каждые полгода устраивался открытый концерт студентов техникума. Концерт проходил в помещении ГИТИС (Государственный институт театрального искусства), в Малом Кисловском переулке, в концертном зале на втором этаже. Состав выступающих утверждался директором техникума. Об этих важных для меня событиях память позволяет рассказать немного.

Я уже в первый год обучения в техникуме выступил на таком концерте и далее был неизменным участником всех последующих. Это говорило о том, что во мне видели перспективного музыканта.

К эстраде примыкала комната, которую можно назвать артистической. Здесь ожидали своего выхода участники концерта, задерживались отыгравшие, стремясь освободиться от напряжения, владевшего ими, находились педагоги выступающих студентов. В комнате всегда было много людей, здесь можно было посидеть и даже выпить чашечку чая.

После своего выступления я всегда оставался в этой комнате до окончания концерта.

Я играл хорошо. Меня хвалили... Помню, на одном из концертов, раскланиваясь после выступления, я заметил в зале мою первую учительницу Ярцеву. Наши глаза встретились. После окончания концерта я поспешил в зал. Но ее уже не было. К моему большому сожалению.

Как-то я играл две части анданте и скерцо из сонаты Бетховена – номера не помню – и после выступления по обыкновению остался в артистической. Впереди меня стоял Померанцев. Он не видел меня. К нему подошел один из преподавателей техникума и сказал: «Поздравляю! Ваш Фридман играл очень хорошо!». Борис Владимирович воскликнул: «А какое нюансирование!». До сих пор помню эти слова и как бы вижу этих людей.

Еще одно воспоминание. Девушка прекрасно сыграла балладу Шопена. Зал аплодировал. Она спустилась в комнату и с рыданием припала к своей преподавательнице, встречавшей ее. Мы все притихли. Это был нервный стресс, вызванный большим творческим напряжением. Я был хорошо знаком с этой одаренной девушкой.

Шли месяцы, шли годы. И становилось все яснее, что я не смогу стать профессиональным пианистом. Все яснее и для меня и для Померанцева. Почему же? Первое: так и не удалось вывести мои руки на высокий, виртуозный уровень игры. Выяснилось, что они не обладают необходимыми для этого физическими данными. И второе: из-за моей застенчивости я не смог избавиться от большого волнения при публичных выступлениях, что не позволяло полностью владеть собой, владеть своими руками.

Вспоминаю две моих неудачи. На одном из концертов в ГИТИС'е я играл вторую и третью части фортепьянного концерта Моцарта. Вторую часть, Andante, я сыграл хорошо, а в третьей, Allegro, запнулся на одном из пассажей и остановился. Борис Владимирович, игравший партию оркестра, тихо сказал мне: «Не волнуйся, ты играешь хорошо, начнем эту часть сначала». И мне удалось благополучно отыграть ее.

Я уже играл этот концерт на открытом прослушивании в техникуме и меня хвалили. Хорошо сыграл его при отборе участников для выступления в ГИТИС'е. Но всякий раз я побаивался третьей части и, как оказалось, не напрасно.

Вторая неудача постигла меня на открытом концерте, который проходил в Малом зале Консерватории. Я играл «Импровизацию» Шуберта. За два дня до концерта состоялась репетиция. Борис Владимирович был доволен мною. Все эти дни волнение не покидало меня. И вот концерт. Зал полон. Моя очередь. Я вышел на эстраду, сел за рояль и вдруг успокоился, сыграл, как мне показалось, хорошо, с подъемом, без единой ошибки. Довольный собой, вхожу в артистическую, где выступающие ожидали своей очереди. И один из них, мой приятель, шепнул мне: «Борис, ты же полностью пропустил среднюю часть!». Я не сразу понял, о чем он. А когда понял, был потрясен. И, не заходя в зал, уехал домой... Борис Владимирович был очень огорчен. Я пропустил один или два очередных урока: мне было стыдно смотреть ему в глаза.

Шли месяцы, шли годы. Мне 17 лет. Очередной урок у Бориса Владимировича на дому. И он мне говорит: «Ты заканчиваешь свой промышленно-экономический техникум. Тебе надо выбирать жизненный путь. Буду откровенен: твои руки, к

сожалению, не руки профессионального пианиста, тебе не надо идти по этому пути. Но ты любишь музыку, слышишь и понимаешь ее, ты музыкально одарен и мог бы поступить на теоретико-композиторский факультет консерватории, стать музыковедом». Было горько слышать эти слова, но они не были для меня неожиданны.

Не ожидая окончания учебного года я ушел из техникума Ярошевского, ушел из этого прекрасного мира, расстался со своими честолюбивыми мечтами. И первое время мне было очень тяжело.

Все эти годы музыкальные занятия мешали моим занятиям в промышленно-экономическом техникуме и мне надо было исправлять пробелы в моих знаниях. Я занялся этим и постепенно стал успокаиваться. Началась новая жизнь с новыми интересами.

Но я прикоснулся к великой музыке, она вошла в мою душу и, мне кажется, облагородила ее. Мои уши раскрыты. Я слышу звук трубы, зовущей к добру.